

ПАМЯТНЫЕ ЛИСТКИ.

Епископъ Наѳанаилъ.

29 Апрѣля 1907 года отдалъ Богу душу настоятель Московскаго Спасо-Андроникова монастыря епископъ Наѳанаилъ, въ міру Николай Ивановичъ Соболевъ.

Онъ умеръ на 83-году отъ рожденія. Нрава преосвященный былъ довольно суроваго, какъ природа тѣхъ мѣстъ, гдѣ проходило его архипастырское служеніе. Назначенный въ 1879 году епископомъ Архангельскимъ и Холмогорскимъ Наѳанаилъ былъ переведенъ въ Псковъ въ 1882 году, откуда, 3 года спустя, воротился въ Архангельскъ и оставался тутъ до увольненія на покой, состоявшагося 1890 г.

Духовенство держалъ онъ въ строгомъ подчиненіи, кричалъ на него; эконому доставалось за малѣйшее упущеніе повара; и не только людямъ, но и птицамъ бывалъ разгонъ, если какая-нибудь ворона или галка гнѣздилась на деревьяхъ архіерейскаго двора. „Для птицъ лѣса, поля, а дворъ архіерейскій для архіерея. Экономъ, уничтожь гнѣзда!“ говорилъ преосвященный.

Архангелогородцы не долюбивали Наѳанаила, строптиваго, обрывистаго, сухого. Однажды, за всеобщей, онъ оговорился и вмѣсто: „слава Тебѣ, показавшему намъ *святъ*“, произнесъ: „смерть“. Это такъ его разстроило, что Наѳанаилъ самъ-не-свой пріѣхалъ въ келью, не могъ ни пить, ни ѣсть и, вздыхая, повторялъ: „нѣтъ, это не къ добру, не къ добру. Владычное слово втунѣ не молвится“. Какъ ни старался утѣшить его экономъ Кириллъ (теперешній игуменъ Святогорскаго монастыря, гдѣ погребенъ Пушкинъ), Наѳанаилъ не утѣшался. „Недаромъ вымолвлена смерть!“ Легъ въ постель, а заснуть не можетъ. Вдругъ яркое зарево освѣтило келью: пожаръ въ сосѣднихъ владѣніяхъ Булычева! (Это Аѳанасій Васильевичъ Булычевъ, паромщикъ и богачъ, который ушелъ изъ міра и умеръ въ Соловкахъ монахомъ, 8 Апрѣля 1902 г.). Загорѣлось въ домѣ, населенномъ бѣднотой. Такъ какъ время было ночное и многіе жильцы уже спали, помощь-же подошла съ промедленіемъ, то въ огнѣ погибло нѣсколько человѣкъ. Узнавъ объ этомъ, Наѳанаилъ пришелъ въ сильное возбужденіе.—Ну, что, а! Даромъ вырвалось слово „смерть“ у архіерея? говорилъ онъ келейнику и эконому.

И какъ былъ изумленъ весь Архангельскъ, когда увидѣлъ владыку Нафанаила отпѣвающимъ и погребаящимъ погибшихъ бѣдняковъ! Ни раньше, ни позже подобнаго не бывало.

*

Среди крестьянъ Холмогорскаго уѣзда жило, а, можетъ-быть, и живетъ преданіе о М. В. Ломоносовѣ, какъ о колдунѣ. Страшная грозовая туча плыла на Питеръ, которому сулила бѣдъ еще и морянка (вѣтеръ съ моря). Царица Екатерина Вторая перепугалась и, призвавъ Михайлу Васильевича, приказала отогнать тучу и морянку отъ столицы. Сталъ Ломоносовъ колдовать, да громъ ударилъ, и молнія поразила Михайлу Васильевича. Вотъ каковъ его былъ конецъ!

*

Недавно умеръ извѣстный клиницистъ Э. Лейденъ. Снискавъ расположеніе нашего Берлинскаго посла, графа П. А. Шувалова, онъ, поэтому, удостоился особой чести, а именно былъ приглашаемъ къ больному императору Александру III въ Спалу и въ Ливадію.

Въ Ливадіи Нѣмецкому ученому пришлось встрѣтиться съ знаменитымъ врачомъ Г. А. Захарьинымъ, котораго онъ считалъ „немножко оригиналомъ, притомъ не безъ упрямства“. (Deutsche Revue, Іюль, 1910 г.). Дѣйствительно, Захарьинъ († 1895) былъ своеобразенъ и своеобразенъ. Во-истину серьезный человекъ любилъ вишіе знаки отличія: мундиръ, ордена. Несклонный къ нѣжнымъ родительскимъ изліяніямъ, онъ одной изъ первѣйшихъ заботъ полагалъ заботу объ образованіи и физическомъ укрѣпленіи своихъ дѣтей. Поэтому семья выѣзжала изъ Москвы на лоно сельской природы съ первымъ вѣяніемъ весны и оставалась тамъ большую часть года. Тамъ же (въ Куркинѣ) и погребены супруги и сынъ Захарьины. Казалось-бы, всецѣло преданный медицинѣ, Григорій Антоновичъ ничѣмъ болѣе не интересовался, между тѣмъ онъ хорошо зналъ литургику. Изящная литература проходила мимо него, не нуждался онъ въ театрѣ и вообще въ развлеченіяхъ. Въ опредѣленные дни у Захарьиныхъ собирались. Среди другихъ гостей выдѣлялся Адольфъ Адольфовичъ Каспари († 30 Ноября 1892), котораго пріязнь соединяла съ Пастѣромъ и Ч. Дарвиномъ. „Въ качествѣ эксперта,—разсказывалъ Каспари—я присутствовалъ на международной выставкѣ растений и на сѣздѣ ботаниковъ и садовниковъ Англіи и побывалъ у Дарвина. Мнѣ было очень важно услышать отъ него самого, считаетъ ли онъ свою науку о видоизмѣненіи родовъ гипотезою или фактомъ?—Нашли-ли вы такой родъ, который бы фактически доказалъ свое происхожденіе отъ видоизмѣненія другого?—„Нѣтъ“, отвѣчалъ Дарвинъ.—Итакъ, вы сами считаете вашу науку о видоизмѣненіи родовъ гипотезою?—„О, да!“

Павель Россіевъ.